

Стрaсть, любовь и война – дело молодых

Культура – 2004 – 5 – 11 авг. – с. 4

В Саратовском академическом театре драмы имени Слонова прошла необычная премьера. Спектакль "Пентесилея" по трагедии Генриха фон Клейста сыграли студенты театрального факультета консерватории (мастерская Антона Кузнецова), а поставил его Алан МИЛИАНТИ, директор и художественный руководитель Национальной сцены "Вулкан".

– Десять лет я мечтал поставить эту пьесу, – рассказывает Алан Милианти, – и всякий раз, когда перечитывал Клейста, она трогала меня до глубины души. Как о любом другом шедевре, могу сказать – это все про меня. Но, разумеется, дело не только в этом. Клейст интуитивно чувствовал то, что сегодня мы называем современной войной, то, что утратило разумные законы, логику, мораль. Эта борьба вопреки всякому смыслу идет на полное уничтожение и напоминает смертельный вид спорта. Для Клейста такая война была метафорой любви, а для нас стала моделью, кото-

рая организует жизнь современного общества. Во всех видах нашей деятельности – от экономической до творческой – царствует модель войны. Я с огромным удовольствием работал со студентами театрального факультета Саратовской консерватории. Они замечательно обучены, умеют импровизировать и сочинять, легко откликаются на замысел. И, наверное, только для молодых любовь является вопросом жизни и смерти. Только когда мы молоды, нам кажется, что мы способны умереть от любви. Кроме того, страсть, любовь и война – к сожалению, дело молодых.

– Чем трагедия Клейста, современника и оппонента Гёте, может быть актуальна для современного зрителя?

– Клейст написал трагедию осуществившихся желаний. Если читать вместе "Фауста" и "Пентесилею", понимаешь причину резкого неприятия Гёте Клейста. Гёте говорит о том, что человечность – это сохранение гармонии желаний. В

каждом из нас есть своя Вальпургиева ночь со всеми демонами, но мера человечности – в обуздании темных сторон собственной природы и разрушительных желаний. Человек рождается в отказе от них. Пентесилея же следует им до конца. И превращается в чудовище.

– Почему же тогда история Пентесилеи рождает такое сострадание?

– Потому что мы узнаем себя в этом. Пентесилея говорит о себе в финале: "Не так безумна, как казалось". Все называют это безумием, а это любовь до конца. Немногие способны на это, но каждый помнит начало этого разрушительного движения.

– Почему вы выбрали для спектакля русские напевы?

– Я много и долго искал русские песни, в частности в Саратове. Мне важна была не только мелодия, но и текст, сюжет. В русской песне про двух лебедей с самого начала любви звучит предчувствие ее конца. Это как раз то, что я искал. Это ге-

ниально чувствовал Моцарт: в рождении любви уже звучит тема ее потери. Рождение чувства уже несет его смерть. Предчувствие конца живет и в истории Пентесилеи. В состоянии любовного восторга она останабливается на мгновение и произносит: "Теперь для смерти я готова". Как будто дорога к любви – это с неизбежностью дорога к смерти. Как только мне напели эту русскую песню, и я узнал, о чем она, то понял, что нашел. Она естественно продолжает содержание трагедии. И хоровой номер про дождь и плачущую под ним девочку становится песней даже не самой Пентесилеи, а ее отлетающей души. Русский напев вносит в спектакль почти религиозный мотив.

– Бог присутствует в пространстве спектакля или все замыкается на человеческих отношениях?

– Я, честно говоря, не задавал себе этого вопроса. Думаю, что все остается в самом человеке. Не каждый из нас Гёте и способен, пройдя

весь свой путь от начала до конца, прийти к человечности. К сожалению, мы скорее последователи Клейста, чем Гёте, и живем своими страстями. Только часть человечества касается божественного, так же как и в Боге есть часть человеческого. Христос прожил как человек, свой вопль: почему ты бросил меня, Отец? В моменты наших агоний мы все можем повторить эти слова.

Понимаете, если театр не дает нам ответа, куда надо идти, то он всегда отвечает – откуда мы. И с этим "откуда" мы вступаем в диалог. Потому что театр – одно из тех редких мест, где говорят мертвые. Говорят с живыми. Говорят о жизни. "Пентесилея" – словно записная книжка Клейста, в которой он рассказал нам кое-что о жизни. О том, что значит жить и умирать. Потому что мне, Алану Милианти, чтобы жить свою собственную жизнь, не обязательно необходим этот свет, религиозный или божественный. Но мне нужен диалог с тем, кто расска-

зал мне свою прожитую когда-то жизнь. Может, я и занимаюсь театром, потому что не занимаюсь религией. И хожу в театр, чтобы не ходить в церковь.

– Во время гастролей Академической драмы во Франции вы видели ваш спектакль "Гедда Габлер". Сейчас вы поставили "Пентесилею". Так совпало, что вашими героинями становятся женщины?

– Для меня это очень важно и совсем не случайно. Оба спектакля связаны не идеями, не эстетикой, а именно образами женщин в центре. А следующий мой проект называется "Расинки", то есть женщины Расина, который замечательно понимал и писал эти образы. Мне кажется, что именно жизнь и положение женщины, ее самоощущение гораздо больше говорят об эпохе, чем любые экономические или политические ситуации.

Беседу вела
Ольга ХАРИТОНОВА

Саратов